

АЛЕКСЕЙ
НИКОЛАЕВ

**ВНУТРИ
ЛЕНИНА
ПРЕСС**

Алексей Николаев

Внутри Ленина пресс

«Издательские решения»

Николаев А.

Внутри Ленина пресс / А. Николаев — «Издательские решения»,

Доподлинно известно, что при жизни Владимир Ленин был грибом и радиоволной. Однако, посмертная судьба великого революционера ускользала от внимания исследователей. Несколько месяцев назад был обнародован шокирующий факт: покойный стал хранилищем текстов для основанного им же подпольного издательства «Внутри Ленина пресс».

© Николаев А.

© Издательские решения

Содержание

Предуведомление	6
Лобачевский научил линии пересекаться	7
Кони и люди	11
Проповедники	12
Жизнь в неудобной позе	13
Здравствуй, солнце!	14
Незадолго до секса	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Внутри Ленина пресс

Алексей Николаев

© Алексей Николаев, 2015

© Виталий Коломеец, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение

Издательство «Внутри Ленина пресс» основал лично Владимир Ильич Ленин прямо перед своей смертью в 1921 году. Убедившись, что власть над СССР неминуемо перейдет к Сталину, Ленин убедил самых преданных соратников организовать подпольное издательство. Лучшим местом, где можно было спрятать станок и отпечатанные листовки, Ленин назвал собственную могилу. Работа стартовала сразу после кончины революционера.

Лев Троцкий знал, что через его протест можно реализовать любую, даже самую безумную идею. Он мастерски организовал постройку мавзолея в самом сердце Москвы и привлек к работе нужных людей. Станок в окончательной постройке укрыли под постаментом, сами листовки отправлялись прямо в пустое тело Владимира Ильича. Обнаружить или обнаружить эту тайну было невозможно, в силу понятных причин.

Неизвестно, продолжает ли издательство работу в наши дни, равно как неизвестен полный список его авторов. Академик Антон Яковлевич Косминский (1896 – 1974), оставивший немногочисленные заметки о работе «Внутри Ленина», приводил в качестве примера печатаемых текстов рассказ «Крестьянин и черт», помещенный автором в конец данного сборника. Среди других записок Антон Яковлевич отмечал ключевые особенности издательства:

1) Работа происходит вне культурного поля, сотрудничество с издательством «Внутри Ленина пресс» недопустима и для правительства, и для противостоящих ему сил. С одной стороны, тело Владимира Ильича представляет собой святыню, с другой источник проказы. Равнодушные – равнодушны.

2) Работы издательства «Внутри Ленина» заполняют специально устроенные пустоты в забальзамированном теле Владимира Ильича, поэтому их количество не может превышать определенного значения.

3) Авторы издательства считают уместным тот факт, что расположение листков на месте тех или иных органов должно накладываться на тексты определенный отпечаток.

Эта короткая книга – попытка автора представить, какие тексты наполняют черепную коробку Владимира Ильича. При всем уважении к памяти государственного деятеля, темные стороны человеческой природы обозначены в нем как нельзя более явно. Но автора не интересуют конкретные образы и действия, которые вспыхивают в этом бумажном мозге. Самая важная задача – восстановить работу мозговых клеток, систему передачи их сигналов и глубинные механизмы мышления, отличающие противоречивую природу любого человека, особенно в том его изводе, к которому привел себя Ленин.

Лобачевский научил линии пересекаться

– На самом деле я не вижу смысла как-то суетиться, – сказал Денис и затянулся сигаретой. Он стоял на балконе и говорил с Никитой через открытую дверь. Никита только что докурил сигарету и зашел в комнату, а Денис сразу достал из пачки новую.

– Смотри сам, – продолжил Денис, – я сейчас живу более-менее нахаляву и плачу только за коммуналку. Кое-что капает от родителей, по старым знакомствам делаю фрилансы тысяч на 10 в месяц. Меня более, чем устраивает. Ну знаешь, этот бесконечный космос, все мизерно, глупая суета не нужна.

Никита сидел на диване, сцепив руки в замок и глядел на линолеум. Он отвечал так:

– О, ну если ты способен себе представить космос... Вот этот безмерный и бесконечный космос, который у тебя над головой. Вот ты живешь на 7-м этаже и через перила перебираться не будешь, зато сверху даже козырька нет.

– То есть? – спросил Денис.

– То есть, если ты представляешь себе эту тотальную пустоту, то можно смело бояться высоты, только в обратную сторону. Вот эта сошка, Земля, то есть, бурит просторы вселенной в огромной пустоте. Ты же упадешь тогда, Дениска. Это ужас, провалиться в этакую срань, потому что падать никогда не прекратишь. Я вот, к примеру, все за землю цепляюсь, отбил себе все пальцы, ногти сорвал – в метафорическом смысле. Все эти смены работ, да они просто помогают придерживаться за новое впечатление, новый опыт, лишь только не утянуло в эту ссаную пропасть.

– О, так ты, значит, всю полноту космоса себе прекрасно представляешь.

– Ну, не совсем, просто мне очень легко представить, что земля перевернется, как корыто, и выплеснет меня вниз. Знаешь, прямо физическое ощущение падения: подводит живот, кружится голова.

Закипел чайник. Денис бросил в банку недокуренный бычок и пошел выключать электрическую печь. Пока он заваривал чай, Никита перебирал книги на полке.

– О, – сказал Никита, – да тут у тебя Пригов. А вот он кстати говорил, что пишет каждый день именно по этой причине, только у него пропасть вела вниз. А он на реактивной тяге своей поэзии старается удержаться у ее края.

– Да, я читал. Мне кажется, что в этой идее все-таки больше пассивного. Почему бы намеренно не вкрутить себя в такой ритм, когда на всякие измышления времени не будет? Ведь это вполне возможно. Приходишь домой, пилишь в игрушечку или там винцо хлещешь. Это не так трудно. Либо уж скатиться в эту пропасть и предстать очам. Конечный итог, Никита! Должен быть конечный итог, а половина всех писак – конвульсивные висельники!

– Ну вот, скажем, Ерофееву не помогло. Человек в полной мере себя придушил, а все же летал. Живое доказательство неадекватности души, он всю эту работу проделал за нас, доказал и продемонстрировал.

– Как же не помогло, – сказал Денис, – он, во-первых, не так-то много и пил, запоями пил, а не порциями. Видимо, хлестал, когда припекало. Опять же он много и продуктивно молчал, побольше прочих. Именно молчание – процесс, а речь – это только констатация ошибок.

– Это выходит, что когда кончатся ошибки, кончится речь. Я не согласен. И я так пить не хочу. Но что делать? Приходишь домой и тухнешь: того не хочу, это не буду, читать лень, драть уже ну никак. Тупик.

Никита будто терял интерес к разговору, его глаза опустели, а лицо выражало беспокойство и даже страх. Денис сел на другой конец дивана.

– Займись чем-нибудь, придумай задачку. Попиши стишки, – сказал Денис устало и беспомощно.

Никита снял чайник с плиты и сделал два глотка, кипяток ошпарил ему горло.

Денис растерялся. Со стороны это выглядело так: парень слушает тебя, встает, подходит к горячей все еще печи, берется за ручку чайника, прикладывает горячий носик к губам и льет в горло кипящую воду.

– Ох ебать! – сказал Денис, но остался сидеть на месте.

– Аааа, да ты просто пигмей, – прохрипел Никита. Обожженный язык распух во рту и стал будто шершавым. Горло болело от каждого слова.

– Пигмей, – продолжил Никита, – посмотри на себя.

Денис тут же взял себя в руки и усмехнулся. Такими дешевыми фокусами, как глотание кипятка, провести его было невозможно.

– Что ты выеживаешься? Теперь звони в скорую.

– Не буду звонить, пройдет.

– И я не буду.

Денис рассыпался мелким смешком, от его прежнего облика не осталось и следа. У него задержалась ключица и он повел головой, жестом ироничного одобрения, дескать, ну раз ты за фокусы взялся, то продолжай. Нормально же беседовали, а ты как лом в железнодорожной стрелке: застрял и только трещишь.

Все это Никита уловил. Ему стало досадно на себя, что его повело к этому чайнику? Почему-то показалось, что если глотнуть кипятку, все проблемы, точнее, вся проблематика исчезнет. Широким жестом доказать свою правоту, свою тягу ко всему, что сбивает человека с панталыку.

– А вот знаешь, Никита, я прекрасно уживаюсь со своим Я. Мне не нужно забивать голову водой из под крана, чтобы протрезвиться. И я прекрасно знаю, что стоит усилий, а что нет. Могу заняться самообразованием или без всякого стыда давануть за компом в каэсочку. А если мне невтерпещ думать о вечном, я размышляю до тех пор, пока не приду к выводам. Довожу дело до конца. Ты вот, к примеру, даже не договорил, ебанул водички, будто точку поставил. Не будет тут твоей точки, тут таких обсосков нет.

Никита слушал и злился, злился сильнее с каждой секундой. Ну зачем я это сделал? Что за дешевые фокусы. Боль мешала думать, места в голове осталось только на самые простые чувства: стыд за свой поступок и возрастающая злость на Дениса, который этот выпад не простил. А с чего он должен был прощать? С этими мыслями и дикой болью Никита кружил по комнате, вдыхая прохладный воздух ртом.

Денис тем временем достал из чашки чайный пакетик, обмотал его веревочкой с ярлычком. Выжал остатки чая в чашку и положил пакетик на стол. Потом спокойно отхлебнул, все так же усмехаясь. Даже сказал один раз протяжное «Ооой» на выдохе. Не хватало только цокнуть языком, тогда Никита точно бы его придушил.

Что же делать? – думал Никита, – как теперь вести себя? Если продолжу страдать напиказ, Денис будет и дальше усмехаться, мотать своим блядским черепом, дергать ключицу под бисерный смешок, падла! Хоть бы в голос засмеялся, так нет же, одним только подъбочным смешком чешет, единственно чтобы показать... Показать вот этот свой понт: меня де не проймешь такими фокусами, ты, Никитушка, остаканился, как дурак, ну и дурак, о чем тут говорить, все же ясно.

Причем Никита и сам не понимал, за каким собачьим хуем он полез пить этот кипяток? Это вообще аргумент в пользу чего? Что это доказывает?

– Никитка, ты же фокусы эти показываешь от бессилия, ты же раньше меня понял, какие телячи у тебя аргументы.

– Я, – прохрипел Никита, корчась от боли, – я, сучара ты, я сухое пюре в желудке разводил. Сухие аргументы превращал в питательную кашу внутри, чтобы на тебя ее сблевать.

– Вот именно что сблевать.

Ужасная черта Дениса, когда он не замечает красоту постановки фразы (может, специально? да нет, нет) и без всякой задней мысли полагает, что тебя поймал. На слове. На обороте, который ты сам и выдумал. Никита не раз и не два ставил эксперимент, вворачивал фразу, на которой его можно поймать, и Денис преспокойно глотал наживку, леску, удочку и Никиту сжирал. Денис отвечал с такой безоглядной верой в свое остроумие, что хитроумный Никита оказывался посрамлен. И сам Никита это чувствовал, и, наверно, даже подбрасывал Денису новые поводы, и корчился от бессильной злобы, а иногда она прорывалась наружу. Но до этого случая это случалось так, сполохами дыма.

– Ну что, – сказал Денис, – прошло? Может, продолжим без этих бабьих фокусов?

У Никиты все побелело перед глазами. Еще одна любимая отсылка Дениса, к его якобы бабьему поведению. Паскуднику просто чужда экспрессия, жест!

– Вот ты говоришь про всякие бездны... – продолжал Денис.

– Ты говоришь.

– Да, я говорю, как образ, как шутку, а ты паскудишь, сразу наперед выставляешь свои вот эти песьи мучения. У тебя их, во-первых, абсолютно нет, ты же понимаешь это? Ты их только декларируешь и как сучка шипишь и плачешь, если тебе это ясно показать.

– Я шиплю как этот чайник шипел! – Никита старался говорить, выдыхая воздух, так боль была не острой, а тупой, пусть и сильной, – как железный чайник, который кипит, под которым огонь, а выход есть только через свистульку, ты же понимаешь, что это свистулька, вся наша речь? Я даже примерно не могу показать...

– Во-первых, это электрическая печь. А не можешь, потому что не представляешь! Ты начитался великих дядек, Никитка, хочешь быть такой и говоришь одними штампами, и все пустые дырки в рассуждениях забиваешь своим свистом. То есть бабским, Никита, визгом. Давай лучше пройдемся. Идем, Никитка.

Денис начал собираться, а Никита опять был в тупорылом, мучительном положении – не идти будет позой, причем бабской, Никита уже разучил отношение Дениса к любым его поступкам. А идти, значит просто послушаться, и Денис опять будет доволен собой и усмехнется на тряпку-истерика-лодочника. Почему-то лодочника, кстати, вворачивал это по теме и просто так: «Лодочник ты, Никитка, просто лодочник». Вообще хуй пойми о чем, а ведь обидно же до чертей!

Вот если бы Никита мог с полным сознанием послать Дениса к херам и лечь на диван: «Иди сам»... Тогда Денис сделает так – и такое бывало – начнет на Никиту поглядывать, а потом и прямо глядеть, повторяя: «Ну что, собрался?», «Никитка, пойдем, хватить плакать», «Пошли, говорят». И тоже, безо всякой усталости, в полной уверенности, что Никита просто ломается, хочет выебнуться и наличие собственной воли продемонстрировать. По большому счету оно так и было, но в этот раз обожженное нутро огородило Никиту от собственного характера, осталось только тупое желание лечь лицом к диванной спинке и попытаться заснуть.

– Нет, – сказал Никита, горло болит и не хочу никуда, попробую заснуть.

– Ну ладно, – вдруг сказал Денис, просто и без затей, – я тогда пойду, а ты пока успокойся.

Никита лег на диван и попытался понять, как это все так просто прошло. Он был настолько поражен этой неожиданной капитуляцией, что заподозрил неладное. «Да он же издевается! Типа, ты так разошелся, может и поплакать захочешь, дам тебе возможность поплакаться в подушку и приду как ни в чем не бывало, как раз остынешь.» От обиды у Никиты и впрямь навернулись слезы. В прихожей хлопнула дверь.

«И ведь отнимает, отнимает у меня всю веру в хорошее, в людей! Я с тех пор, как его встретил, нахожу подлость в каждой морде. Раньше, ну наступила бабка на ногу, ну нашипела. А теперь только и думаю, а какого хрена эта бабка ходить нормально не может? Ей места мало?»

Да она просто думает, что ей тут все должны... И весь этот вздор. Отнял у меня мою невозмутимость.»

«А тебе она нужна? – раздался вдруг в его голове голос, прямо как у Дениса, то есть голос Дениса, – если ты ее вот так вот и сдал? Может у тебя ее нет? Корчишь из себя сахарный завод, а на деле просто терпишь, потому что терпиши-ила ты.»

«Но раньше-то я не терпел, – думал Никита, – и мысли раньше не возникало.»

«А вот, – захихикал Денис, – повзрослел. Я твой акушер, в реальный мир тебя вытащил из какой-то пизды, вот ты и орешь, и первым делом на меня, конечно.»

«Я, в таком случае, хочу обратно.»

Никита был в отчаянии. Он закашлялся и от жуткой боли его чуть не свело судорогой. «Да что за кипяток такой, пил же горячий чай глотками, а тут как будто оловом, такая боль!» В голову Никиты залезла холодная мысль, залезла так, как это делает любая навязчивая идея. Ее легко узнать – пока ты ее не разрешишь, будешь обращаться к ней снова и снова, и чем дольше будешь откладывать, тем сильнее она будет тянуть за мозг.

«Брошусь с крыши. Просто сброшусь и все, не буду ни о чем думать, рассуждать, ничего не буду, буду только повторять, что не буду думать, просто пойду и сброшусь.»

Обычно такие резкие идеи долго появляются, зреют месяцами и в четкую волевою установку превращаются только в свой срок. А эта возникла за секунду и боролась за свою жизнь, хотя и против того, кто ее нес. Никита встал, тщательно надел носки, набросил куртку и отправился к ближайшей открытой крыше. Она была на Петроградке.

Никита не боялся, что мысль пропадет, поэтому не спешил, забивая голову длинными предложениями. К ним примешался и денискин трескучий смех. А как он падла жмурится и это его: «Оооой». Здесь Никита очнулся, привычное раздражение вернуло его к реальности и бросаться с крыши уже не хотелось. Но тут Никита понял, что уже стоит на ее краю, а внизу собрались люди. Никита оглянулся: дверь на крышу была предусмотрительно подперта деревянной метлой. Как долго он тут стоит? Внизу уже много людей. Большая часть вышла из ближайшей церквушки, возглавлял делегацию осанистый (пусть и толстый) поп. Эта толпа дружно молилась и крестилась, глядя на него, то есть не совсем на него, они же молились... Ну это понятно. Никита сделал руками успокаивающий жест и шагнул назад.

Внезапно он почувствовал, что его нога не касается крыши. Никита запаниковал, он что, шагнул вперед? Там дыра в крыше? Или он стоит на стене? Но тут стало совсем нехорошо: ногу потянуло вверх и Никита упал, больно ударившись об стену. Молитвенный гул внизу превратился в ор, с теми же словами. Поп отчаянно махал руками, потом за какие-то секунды успел сбежать за кадиллом. Толпа твердила благочинные фразы изо всех сил, а Никита тем временем в панике барахтался в воздухе, держась за разбитый лоб. Появилось ощущение падения и Никита закричал. Толпа кричала: Помилуй! Спаси! Сохрани! И вперемешку все слова из старых книг с ижицами, сколько это длится? Где мой разбитый труп? Никита раскрыл слипшиеся от крови веки и уставился на землю, которая не приближалась, а удалялась.

Без всякой натуги, будто так и положено, Никита упал прямо в пропасть без конца, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Он успел разглядеть красное лицо гудящего священника и бабушку с пятнами никитиной крови на белом платке. Бабка все твердила заученные за последние два года ее воцерковления молитвы, старая ведьма всю жизнь проработала конструктором в бюро и в церковь пошла за компанию с соседкой, которая вообще ходила сюда 5 раз в год, из которых три – за освященной водой и фруктами. Стоял внизу и Денис, но он не любил пялиться куда-то, когда туда смотрит толпа. Он удивленно поджал губы, пошел дальше и Никиту не узнал.

Кони и люди

– Я не понимаю, что происходит.
– Да ты не пытайся понять, чувак, ты направо поверни.
– Это пиздец, Миш. Сидеть за рулем и ехать, куда говорят, и ни черта не знать.
– Я бы попытался тебя понять, только вот прав получать не хочу. Теперь вот за тем поворотом.

– Ох, красота какая.
– Вот-вот. Останови у столба. Отлично. Серый, сиди здесь, я на пять минут.
– Ты бы все-таки сказал, зачем мы здесь.
– Да забей, я скоро.

Миша хлопнул дверью, потом еще раз, и все-таки закрыл. Побежал в сторону ипподрома.

Сергей опустил дверное стекло. Он курил и думал о Таниных подмышках. Невинное такое увлечение. Каждый идиот может пялиться на дойки очередной коровы, или на задницы эти. На хрен. Другое дело наблюдать изгибы рук, плавно переходящие к телу, и мышцы, и ямочка, по-своему интересны ключицы. Да... «Девочка на шаре», вот произведение искусства. Он купил себе репродукцию, когда ездил в Петербург. Повесил на стене в спальне. Девушки, попадавшие в спальню, отмечали его вкус и удачное расположение картины. Сергей же думал о подмышках. Была у него одна мыслишка, но он даже не знал, как подвести Таню к этой мысли. Наверное сначала нужно вино, и разговоры о картине. А потом подмышки. Рассказать ей о неизведанных красотах женского тела, о своей страсти, и потом...

– Миша, господи боже, что это вообще за...
– Спокойно, уважаемый. Вы коня раньше не видели?

Миша восседал верхом на коне, однозначно на коне.

– Черт, да, видел, но не на улице. То есть и на улице, но вот так вот...

– Хватит тебе нервничать! Я просто давно думал, вот представь: два благородных господина, вот как мы сейчас, едут на прогулку. Беседуют о музыке, о живописи...

Сергей вздрогнул.

– Чувак, я вот понял сейчас только то, что ты ебнулся. Причем окончательно.

– Проявите зачатки воображения, Сергей Валентинович. Повторяю. Два господина на своих скакунах ведут неспешные беседы. Поезжай вдоль тротуара, мы с Бураном поскачем рядом. Такого ты никогда не испытывал, согласишься. И не испытал бы, если бы не купил машину с правым рулем. Это судьба, почтенный.

Конь фыркнул. На мостовую тяжело свалились комья навоза. Сергей замер еще только на секунду, а потом завел машину и начал разворачиваться назад прямо через двойную сплошную. Миша дерзко поставил коня на дыбы и крикнул:

– Вы определенно дурак, Сергей Валентинович! Фетюк!

Домой Сергей вернулся к вечеру. Таня смотрела телевизор, сидя в майке без рукавов. Увидев Сережу, она подняла руки и сладко потянулась. Сергей даже не взглянул на нее, а пошел сразу на кухню. Там он взял три бутылки пива, и только потом вернулся в гостиную. Сел рядом с Таней на диван, открыл первую. И вдруг поменялся в лице, будто вспомнил о чем-то.

– Танюш, хочешь пива?

– Конечно, Зай, дай одну.

– Тань знаешь, давно хотел с тобой обсудить... Вот картина, «Купание красного коня», знаешь?

– Ч-чего? Ну в смысле знаю. А что ты хотел обсудить?

– Блядь. Дай я тебя пощекочу, что ли.

Проповедники

– Поверь, она тебе не понравится.

– Тогда пойдем куда-то еще?

– Нет-нет. Тебе нужно ее увидеть.

Они поднялись по ступеням и позвонили в дверь. Открылась она только после третьего звонка.

– Сюзи! Привет! Сколько лет...

– Ну ты и сука, Олежка!

Женщина за дверью бросила тапок, и начала прикрывать лавочку. Ну уж нет, веселье только началось. Олег позвонил в дверь снова. Открывалась она нехотя.

– Сюзи! Моя ты радость, хватит дуться, мы с Жанной хотели чайку попить а ты...

Сюзи и впрямь стало неловко.

– Ты мудак, Олежка. Заходи, Бог с тобой. И суку свою заводи.

Жанна злилась непереносимо. Они вошли в квартиру.

– А все не так уж плохо, нет? – сказал Олег, оглядываясь на стены.

– Олег, ты лучше молчи. Кот сдох позавчера, перешагните ласково, я его любила.

– Ты всегда была ласкова, Сюзи. Вот мы с Жанной...

– Перестань, я не Сюзи. Я тоже Жанна, имею право на имя.

– Глупая ты, Жанна справа, а ты моя Сюзи.

Терпение Жанны переполнялось.

– Олежик, котик, я не понимаю, что мы здесь делаем?

– Жанночка, ты же хотела кунилингуса?

Сюзи отреагировала незамедлительно.

– Олег, лучше сразу иди в жопу со своим маразмом.

– Девочки, девочки! Зачем кипятиться? Попейте чаю.

Они выпили чаю.

– Вы такие красивые сегодня. Особенно ты, Жанночка. Особенно ты, Сюзи.

– Олег, я – Жанна.

– Конечно, Жанна. Мы все так близки сегодня.

Жанна была рядом.

– Сладкий мой, я так тебя люблю.

– Мы все тебя любим. Сюзи, любовь моя, иди к нам.

Сюзи молчала.

– Такой чудный вечер, Сюзи.

Он так дивно улыбался. Сюзи смотрела на него. Смотрела на Жанну. Так юна, так прекрасна. Она подошла к ним.

– Жанна, ты действительно красива. Я рада за вас.

– Девочки, сестринский поцелуй! Я так вас люблю.

Сюзи приникла к губам.

Вечер шел к концу. Близилась ночь.

Жизнь в неудобной позе

- А один вот так вот пришел на работу, и сказал, что больше работать не будет.
- Ну сказал и сказал.
- А потом пошел в магазин и купил себе самурайский меч...
- Катану, ага. И что?
- А ничего. Мы к нему зашли в гости через неделю, а он садится под своим плазменным телеком. На коленях, значит, меч этот. По ящику – «Андрей Рублев». В руках у него эти вот палочки для суши.
- Хаси.
- Они так называются?
- Ага.
- О как. Так он этими палочками сидит и что-то себе выстукивает. Говорит, записывает саундтрек. В общем, послушали мы и ушли. Он так жил-жил вроде, я ему звоню – на работу он и не думал устраиваться. Сидит себе, деньги кончаются, ус не дуется и черт с ним. Оброс, кстати, шо пседец. Да, так вот, месяца через три, деньги у него закончились совсем. Он сидит, понимаешь, во всей этой роскоши-плазма, мебель, гардины за тридцать штук. Жрать нечего. На последнюю тысячу накупил сигарет, пива и жетоны на метро. И стал ждать смерти. Натурально вот так вот. Я прихожу, а он мне: «Настоебало все, Саша. Иди на хрен отсюда». И тут к нему Оля повадилась ходить.
- Да ладно.
- Я серьезно. Так более того. Едет к нему эта фигурка, личико в гости, а в руках у нее плетеная сумка. А в сумке кастрюля. А в кастрюле блядь БОРЩ.
- Улет.
- Сам охренел. Ну, само собой, дело борщом не ограничилось. Она так сходила к нему раз, второй, да так и осталась.
- Живет у него?
- Да. И работает за него, а он сидит себе, саундтрек пишет. Она ему с посиделок палочки притаскивает. Плачет каждый день. Жалеет.
- Нда. Ну ничего так история. Только к чему рассказал? Мы о рыбалке говорили, не?
- Ну да, о рыбалке... Забудь. Вот ты мне лучше скажи-мы с тобой, два взрослых незакомплексованных человека, так?
- Без пизды.
- Воот. И если я, допустим, хочу поспать, я тебе скажу: «Хочу поспать». И пойду. Нормально ведь?
- Нормально.
- Так почему никто тебе никогда не скажет: «Чувак, посиди тут, я пойду подрочу.» Это что, хуже, чем срать? Менее естественно?
- Ну, блин. Я хрен его...
- А я, между прочим, подрочить хочу.
- Так иди, че.
- Да нет уж, спасибо.

Здравствуй, солнце!

В гостиной домика-музея стоял стол, стул с подлокотниками и небольшой диван. На стене висел портрет поэта, который когда-то жил здесь. Лицо его было похоже на комод, полный ненужной одежды. Под портретом, в соответствии с завещанием, висела золоченая табличка с надписью: «Здравствуй, небо! Здравствуй, солнце! Булка хлеба, свет в оконце». Из свидетельств современников совершенно ясно, что он был скрытым гомосексуалистом. А возможно и педофилом. Многие также предполагали, что и его собака была к нему привязана не просто так.

Слава приехал сюда на экскурсию. Это же правда интересно – прославленный педик. Всего их было шестеро, не считая женщины-экскурсовода по имени Галина. Рядом со Славой шла девушка с тяжелым отпечатком филологического образования на лице. Они разговорились, и теперь Слава пытался доказать ей, что он интересный собеседник.

– Поймите, Женя, если человек пишет плохой рассказ, он как бы выставляет напоказ свою задницу. Кому-то будет противно, кому-то смешно, ну вы поняли. А вот написать плохое стихотворение и продемонстрировать его, это все равно что трясти причинным местом посреди Таиланда. Причем местом очень маленьким. Это даже никого не оскорбит, понимаете? Презрение и жалость – удел плохого поэта.

Евгения смотрела прямо перед собой и коротко отвечала:

– Почитаешь мне свои стихи?

– Мне нетрудно, но стоит добавить, что некоторым... Некоторым людям и тридцати сантиметров не хватает.

– Как нескромно. И... многообещающе.

Экскурсовод громко вещала.

– Именно на этом диване, судя по рассказам многочисленных свидетелей, поэт Артур Перьев лишил невинности своего сына...

Слава вскинул руку.

– Скажите, пожалуйста, а сам Перьев никогда о себе не рассказывал?

Экскурсовод подняла глаза к небу, заслоненному потолком.

– В архивах сохранились многочисленные жалобы соседей, с подробными свидетельскими показаниями. Сам Перьев никаких автобиографических записей или интервью не оставил, нам приходится восстанавливать картину его жизни из многих кусочков мозаики...

Видимо, она все же разглядела небо и облака. Речь ее стала быстрой и заинтересованной. Она рассказывала о проделанной работе, об опрошенных свидетелях, исследованиях рукописей и архивов в поисках достоверных сведений... Слава вдруг заметил ее полную, стянутую близкой грудью. Свежесть давно ушла из ее лица, но старость к нему еще не добралась.

– Баба в соку, – вслух сказал Слава.

– Да, ничего так еще, – не отвлекаясь от блокнота, откликнулась Женя.

– Ты не подумай, я не интересуюсь. Просто констатирую факт.

– Да мне как-то все равно.

Экскурсия продолжилась.

– Обратите внимание на крюк в потолке! Именно на нем повесился дед Артура Перьева, Прохор Вячеславович, и его отец, Владимир Прохорович – очень интересный человек – и сам поэт, к сожалению, тоже не избежал этой участи. Интересно, что каждый раз тела находил один и тот же человек – Григорий Лаврентьевич Струкало, он работает на почте недалеко отсюда, заодно сторожит по ночам наш музей. С ним и сейчас можно поговорить, он, к счастью, еще жив.

Галина не любила неясностей.

Слава все это время вертел в руках сувенирную пепельницу, но вдруг оживился:

– Галина, – он вдруг вспомнил ее имя, – не подскажете его адрес?

Женька провела рукой по волосам и вмешалась в разговор:

– Да на почте он живет. Всю жизнь. Как его только ноги еще носят?

Экскурсия двинулась дальше.

– Я с ним говорила, – продолжила Женька, наматывая прядь волос на тонкий палец, – бедного деда уже достали расспросами. «Внученька, – говорит, – да хуле с них взять? Скоты, внучка, скоты!» Как-то так ответил.

Слава слушал и смотрел на пепельницу. Смешная штука, бычок следовало тыкать в харю покойного поэта. Действительно, как еще из продукции местного завода склепать сувенир?

Все закончилось где-то через час. Немногочисленная процессия двинулась к гостинице. У самого входа в номер Слава старательно хлопнул себя по лбу.

– Жень, послушай, я там, кажется, забыл пепельницу эту дебильную. Сбегаю за ней, ты же подождешь?

– Да. Не будешь против, если я у тебя в номере посижу?

– Сколько угодно, – Слава изобразил улыбку, – держи ключи, я скоро.

По дороге к музею Слава заскочил в магазин и взял там бутылку сухого красного.

Чтобы добраться до музея, нужно было подняться в гору, выйти на обширную площадку и пройти еще где-то километр в сторону леса. Слава шел, то и дело поправляя лямки на полупустом рюкзаке. Он смотрел вверх и рассеянно повторял:

– Здравствуй, небо!

И потом:

– Здравствуй, солнце!

Но был поздний вечер. Переведя дух после долгой прогулки, Слава вошел внутрь. Галина еще не ушла, она дожидалась, пока доберется до работы сторож Григорий. В свои девяносто с гаком лет он еще мог осилить подъем. Ничто не делает человека таким живучим, как многолетний и однообразный труд вкупе со сварливым характером. Галина была на кухне. Чайник как раз закипел.

– Галина, здравствуйте!

– Здравствуйте, молодой человек.

По ее губам скользнула тень улыбки.

– Чем я могу вам помочь?

– Я хотел бы сегодня сторожем поработать. Просто у меня, знаете, такая тяга к этому месту возникла. Хотел, так сказать, проникнуться духом.

Во взгляде Галины вспыхнуло разочарование, и Слава заметил это. Но он твердо добавил:

– Пожалуйста.

Она молча, и как будто бы задумчиво сняла чайник с плиты. Бросила чайный пакетик в чашку себе и ему.

– Я думаю, что могу пойти вам навстречу. Нужно только встретить Григория Лаврентьевича.

Оглушительно хлопнула входная дверь. Слава и Галина еще не успели повернуться ко входу, как на порог кухни взлетела Женя.

– За пепельницей, значит, пошел. ЗА ЭТОЙ ПЕПЕЛЬНИЦЕЙ СТАРОЙ ПОШЕЛ, КОЗЕЛ?!

Лицо Галины поползло к земле.

– Вы... ты... да как ты смеешь, прохиндейка малолетняя!..

Женька взревела, как львица, и обрушилась на Галину потоком волос и ногтей. Они вцепились друг в друга. Ничего нельзя было разобрать в них, кроме ног и ярко накрашенных губ.

Скоро они успокоятся, выпьют по чашке чая, а потом уйдут вместе, совсем позабыв и о Славе, и о старом стороже.

А сейчас Слава взял с пола рюкзак и вышел в коридор. Переступил порог гостиной и закрыл за собой дверь. Какое-то время он просто стоял и пытался привыкнуть к темноте. Подошел к рабочему столу. Опустил на него ладонь. Потом снял рюкзак с плеча, достал оттуда бутылку вина и отрез веревки. Вино он поставил на пол. Это для деда Гриши. Слава Перьев забрался на стол и горько улыбнулся портрету отца. Технология, отточенная поколениями. Потом он принялся за работу.

Когда дед Гриша вошел в гостиную, то ничему не удивился, даже бутылке вина на полу. Он пил вино и ждал утра. Когда небо за окном стало высоким и красным, старик вышел на порог дома и уселся на ступеньки. Его мутные глаза слезились от света, потому что наступило утро, и он еще мог его видеть.

Тогда он сказал:

– Здравствуй, небо!

А потом

– Здравствуй, солнце!

И больше ничего не говорил.

Незадолго до секса

Денег сегодня до неприличия много. Днем Артем подошел ко мне на улице, протянул пухлый конверт. Сказал: «Ты его нашел, понятно? Давай без вопросов.» Я понял, раз и навсегда.

Теперь я думал о растратах. О дорогих кабаках, об элитных напитках, о десятках книг. Состояние близилось к коматозному. Призрак капитализма обнажил белые зубы. Я тоже. Куда угодно и что угодно. Ворлд ис юрс.

По улице проплыла барышня. Она отбросила волосы с лица, и вместе с ними в воздух ворвался ржавый крюк. Он бережно вошел мне в затылок, и потянул следом за ней. Я обогнал ее, развернулся и застыл на месте, пораженный.

«Ты поразительна, – громко думал я, – смотри, меня обезоружила твоя красота». Я посмотрел ей в глаза. Чтобы оценить свои шансы достаточно одной лишней секунды взгляда. Есть! Мы тоже пускаем крюки! Мы, Александр Второй... Поехали дальше. Я подпустил ее поближе. Выдох и искренняя улыбка:

– Я прямо застыл. (Улыбайся, будь ошарашен. ОШАРАШЕНЕЕ!)

Она прыснула, и на каких-то полшага замедлила ход своих ног и истории человечества. Я пошел рядом с ней и добавил:

– Можешь считать меня навязчивым, но я решил посвятить тебе свою книгу.

Ее лицо тронула маска иронии. Еще и не дура, ну ничего себе. Я, пожалуй, лажанусь с минуты на минуту. Но она ответила.

– Книгу, которая в конверте?

– Это гонорар за предыдущую. Обналичил в банке.

– Трехлитровой?

– Стопудовой. Тут за углом.

Брейк! Дыши, дыши, дыши. Деньги творят чудеса, материализуют мысли. Секунда прошла.

Бокс!

– Я не смогу себе простить, если не угощу тебя кофе.

– Ну если все так серьезно, я тебя выручу.

Нокаут! Я закрыл глаза. Меня трясет за плечи тренер и смеется. Толпа объята пламенем. На ринг выносят Пояс Победителя... Я открыл глаза.

– Тогда нам налево.

И она пошла пить со мной кофе. Все удалось. Я заказывал виски и рассказывал о своей стремительной писательской карьере. Вкратце. Спрашивал ее. Она отвечала и принимала все, что я ей предлагал. Вечер еще только начинался, и я попросил принести нам счет.

– Знаешь, Лена, – начал я, вскрывая конверт, – в «Доме Кино» сегодня показывают одну действительно интересную фильму...

Тут я опустил глаза и увидел, что у меня в руках.

Листовки. С текстом.

«В ЖОПУ ЦАРЯ!

В ЖОПУ ДЕПУТАТОВ!

В ЖОПУ ЧЛЕНЫ

ИЗБИРКОМА!»

Дисквалификация. Тренер сдирает с меня пояс и громко матерится. Родители выпускают своих детей на ринг, чтобы они подрезали мне подколенные жилы. Падаю в обморок, запускаю автопилот.

– Лена, я должен был сказать. Я оппозиционный писатель. Это стыдно, но я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.